

С. Н. Искюль

Рецензия на коллективную монографию:

Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.

На обороте обложки этой коллективной монографии помещена аннотация, из которой читатель узнает, что на протяжении XVIII в. в Париж приезжали и обретались в нем сотни русских, что среди них были аристократы и дипломаты, писатели, ученые и живописцы, франкмасоны и искатели приключений. Русские нередко бывали у великих просветителей, таких как Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо, посещали Ж. Л. д'Аламбера и Ж.-Ф. Мармонтеля, переписывались с Вольтером. Все это не ускользало от всевидящего ока полиции, а ее донесения, отложившиеся в архивах, предоставляют в распоряжение исследователей и писателей живописные повествования, достойные авантюрных, а то и комедийных романов. Полицейские отчеты приоткрывают тайны русских посетителей парижских салонов, театров и публичных домов, их светских отношений, развлечений и любовных связей. Более того, авторы-составители внушительного по своим размерам тома раскрывают перед читателем «эволюцию методов сыска» парижских полицейских разного ранга на протяжении всего века Просвещения.

Авторы и составители рецензируемого сочинения — Денис Кондаков, специалист в области французской литературы и компаративистики, до недавнего времени декан факультета гуманитарных наук в Государственном университете Полоцка (Беларусь), а ныне преподаватель Университета Новая Сорбонна (l'Université Sorbonne Nouvelle), автор книг и статей, среди которых «Maître

en l'art de plaire" ou "bel esprit"? Le Comte Andrei Chouvalov vu par la police et le beau monde de Paris en 1777–1781», и Александр Строев, профессор общего и сравнительного литературоведения Новой Сорбонны, автор многих исследований, в том числе книг о тех, «кто поправляет фортуна» (*Les Aventuriers des Lumières*. Paris: PUF, 1997) и как продолжение темы книги, но уже в переводе на русский: «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения (М.: НЛО, 1998, 2-е изд.: 2023), а также и других, включая и многочисленные статьи.

Документы, вошедшие в состав тома, были выявлены в процессе фронтального просмотра дел Архива Министерства иностранных дел, а также Отдела рукописей Национальной библиотеки Франции и Рукописного отдела Библиотеки Арсенала, которым были заняты студенты Новой Сорбонны. Это произошло уже после того, как в общих чертах стало ясно, сколь великим мог быть объем такого рода документации. Один только фонд документов по надзору за иностранцами за 1771–1791 гг. насчитывает 94 тома архивных единиц. К этому прибавляются еще и рукописи из фонда «*Mémoires et documents*», а также документы из архива Бастилии, хранящиеся в библиотеке Арсенала. Это что касается документов, как подлинных, так и отложившихся в копиях, но авторами-составителями к делу были привлечены и публикации, подготовленные в разное время, что называется, по горячим следам, с началом Революции (р. 9–10 и далее).

Но основное содержание этой книги составляют все-таки полицейские отчеты с 14 июня 1729 по 12 ноября 1791 г., к великому сожалению, не за все годы, есть и лакуны: 1729–1731, 1740–1744, 1746–1748, 1760–1768, 1770, 1778–1791 гг. Тем не менее некоторые из полицейских дел достаточно протяженные, как, например, дело за 1761–1763 гг., в котором оказался так или иначе замешанным Сергей Алексеевич Пушкин (ок. 1737 — 1795), тот самый, что собирался посетить с визитом Вольтера в Фернее, но не доехал, ибо проигрался и оказался в своих похождениях весьма нечист на руку (см. об этой истории: р. 25–31); характерно, что, в конце концов, по возвращении в Россию, согласно указу Сената, был отправлен в Соловки, ибо был весьма причастен к изготовлению фальшивых бумажек. Впрочем, столь же протяженных дел среди отчетов о результатах полицейского надзора не оказывается.

Книга открывается большой статьей, в которой авторы много внимания уделяют не только содержанию публикуемых ими документов, но и, что весьма важно, раскрытию темы истории полицейского наблюдения и сыска в Париже применительно к русским в царствования двух последних королей, правивших в XVIII в., анализу русского сословного присутствия во французской столице и многообразию интересов отдельных его представителей. Это представляется весьма и весьма важным, если иметь в виду, что история полицейского наблюдения и сыска — тема специфическая и без обращения к специальной литературе здесь не обойтись, надо отдать должное — авторы-составители в полной мере ориентируются в ней.

При обращении к истории полицейского наблюдения и сыска авторы приходят к выводу о том, что вообще иностранцы оказываются в поле зрения парижской администрации довольно давно. Русские появляются в Париже гораздо позднее, но еще в начале XV в. домовладельцы, сдававшие комнаты жильцам, обязаны были в присутствии самого парижского прево сообщить точные данные о том, кому именно они сданы. Эта практика, обернувшаяся на протяжении второй половины XVIII в. своего рода квартирным надзором, распространилась и на эпоху Революции, и даже далее. Примечателен факт, что еще в 1611 г. полицейские правила предписывали комиссарам Шаттле разыскивать и обнаруживать вновь поселившихся, а также постоянно следить за таковыми во всех районах столицы. Учреждение общего надзора за иностранцами как одной из функций полиции восходит к первому десятилетию правления Людовика XV, но со временем возникает и практикуется наблюдение за иностранцами в интересах безопасности государства. Оба эти направления деятельности полиции сосуществуют вполне независимо друг от друга. Причины этого, как утверждает в статье, можно усмотреть в их специфике и особенно в политической мотивации. Министерство иностранных дел все больше стремилось узнать о дипломатах и государственных деятелях (*les hommes du pouvoir*), которые не обязательно постоянно пребывали в Париже. С тех пор, но едва ли не ранее, парижская полиция работала совместно с Министерством иностранных дел и помогала правительству, стремившемуся иметь полное представление о каждом из дипломатов, а также и о «подозрительных» путешественниках, попутно занимаясь вербовкой «агентов влияния» (р. 19).

Наибольшую загадку представляют сами источники (донесения и протоколы), которые предоставляют информацию полиции и посылаются далее «наверх». Естественно, выполнены они полицейскими с изрядной точностью, передавая данные о времени, месте и пр., и предстают стилистически тщательно составленными, возможно, не раз переписанными. Полицейские, вероятно, сами заботились о том, чтобы хорошо писать свои донесения, но это еще происходило потому, что сама полицейская бюрократия требовала хорошего почерка и не менее хорошего слога. Требовала же этого она, полагают авторы публикации, едва ли не потому, что Людовик XV, как правило, по утрам занимался чтением поданных ему накануне полицейских отчетов. Это тем более важно было блюсти, что король обращал особое внимание и на изыскания полиции в такой деликатной области, как область общественных нравов (р. 35).

Представленные в публикации отчеты о слежке за иностранцами и доклады полиции нравов, документы судебных предписаний, хранящиеся в архивах МИД, в рукописном отделе Национальной библиотеки Франции и в библиотеке Арсенала, дают немало подробностей, описывая повседневную жизнь около шестисот россиян во время пребывания их в Париже в эпоху Просвещения. Полицейские соглядатаи надзирают за российскими вельможами, дипломатами

вкупе с писателями, фаворитами и детьми императрицы Екатерины II, а также за учеными и врачами: здесь мы видим графов Воронцовых, Разумовских, Румянцевых, Салтыковых, Шуваловых, Чернышевых, Строгановых, Орловых, здесь же упоминаются князья и княгини Белосельские, Бярятинские, Долгорукие, Голицыны, Кантемиры, Дашковы, так же как и Денис Иванович Фонвизин, поэт и переводчик Иван Иванович Хемницер, великий князь Павел Петрович, его сводный брат Алексей Григорьевич Бобринский и проч., и проч. По словам авторов, за ними шпионят в частных особняках и посольствах, салонах и литературных обществах, игорных домах, домах свиданий и «загородных домиках» (*petites maisons*) и так далее, вплоть до альковов.

Впрочем, в статье, точнее, в особых небольших частях ее, озаглавленных «Русские сочинители в Париже», или «Философическое уединение князя Кантемира» или же «Денис Фонвизин: ярмарка тщеславия» много внимания и места уделяется русским сочинителям, писателям, историкам, ученым, среди прочих по разным поводам упоминаются Никита Акинфьевич Демидов, баронесса Варвара Юлиана фон Крюденер, Николай Александрович Львов, Денис Фонвизин, Андрей Андреевич Нартов, княгиня Екатерина Дашкова, князь Иван Иванович Бецкой и многие другие, особенно Антиох Кантемир, а с ними и те, о ком редко упоминается и кого мало знают, — балтийские немцы, курляндцы и пр. (р. 55–56 и далее, особенно в случае с Д. И. Фонвизиним, р. 55–71).

Помимо того, что, как уже говорилось, русские поддерживали дружеские отношения с Дидро, посещали Руссо, переписывались с Вольтером, даже публиковали свои сочинения в «*Mercure de France*», их принимали при Версальском дворе. Они часто посещали масонские ложи, «философические» салоны, театры, так же как и политические клубы в революционную эпоху, следили за дебатами в Национальном собрании. Александр Строганов, Шуваловы и Голицыны сами являлись хозяевами популярных салонов и благодаря полиции мы знаем о тех, кто приходит к ним на обеды, балы и в концерты. Помимо этого, россияне с энтузиазмом участвуют в столичной светской жизни, одеваются у лучших портных, наслаждаются изысканной кухней, театром и актрисами. Полицейские протоколы помогают выявить их круг общения, прежде всего в среде дипломатов (Антиох Кантемир, Дмитрий Голицын, Фридрих Мельхиор Гримм, Иван Иванович Бярятинский). Они раскрывают связи между Семеном Кирилловичем Нарышкиным и отцом Кастелем (Луи Бертраном), изобретателем «окулярного» клавесина (цветомузыки), между Алексеем Леонтьевичем Гроссом и Франсуа-Жозефом маркизом де Шуазель-Стенвилем, отцом дипломата герцога де Шуазеля, позволяют лучшим образом понять образ действий Жильбера Ромма и его подопечного графа Павла Александровича Строганова в начале Революции, раскрыть подробности визита в Париж вице-канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова в мае 1746 г. или такового же графа и графини Северных (великокняжеской четы Павла Петровича и Марии Феодоровны) в мае — июне 1782 г. (р. 83).

Авторы выделяют четыре разновидности информации, относящейся к русским, за которыми наблюдали: «фактическая» (в такой-то день некто поименованный направляется в ***, затем в театр, после чего пребывает у М***), биографическая (довольно точная, хотя полиция часто путает членов семей, особенно если речь идет о численно большой семье), этнологическая и политическая (даже если русские не обязательно подозреваются в заговорческих умыслах, как, к примеру, и довольно зачастую, ирландцы). Разного рода приключения или, напротив, злоключения русских в отчетах часто изображаются иронично, свысока и так, что над ними можно и посмеяться. Полицейский сатирический дискурс приближается, по мнению авторов, к романтическому или комическому: без какого бы то ни было обвинения или хвалы, он скорее высмеивает и служит ко исправлению нравов... (р. 37).

Но, что весьма важно, авторы уделяют большое внимание критике источника, поскольку такие документы, как те, что вышли из-под пера полицейских, часто содержат данные весьма «приблизительные», сведения, далекие от того, чтобы казаться исчерпывающими, или попросту грешат неточностями (р. 16–17). Несомненно, когда верных сведений нет, агенты с разными оговорками пользовались слухами в надежде, что со временем удастся им обрести более точную информацию. Несмотря на кое-какие неточности или ошибки, отчеты передают верные и живописные портреты русских, попавших или пребывавших под наблюдением. В первую очередь они касаются тех, чей образ жизни мог нарушать общественное спокойствие: «азартных» игроков (граф и камергер Дмитрий Михайлович Матюшкин, полковник Гавриил Ильич Бибииков), впавших в долги и прочих (граф Сергей Васильевич Салтыков, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, князь Андрей Михайлович Белосельский и др.). Выходки русских, которые играют в азартные игры, выигрывают и проигрывают, держат танцовщиц, заболевают венерическими заболеваниями, влезают в огромные долги и попадают в тюрьму и чьи имена красуются в парижских газетах и журналах, расцвечиваются в донесениях, написанных с изяществом и юмором. О них повествуется в приключениях героев новеллы Дидро «Мистификация», князя Дмитрия Голицына и танцовщицы мадемуазель Дорне. В других усматривают прототипов пушкинской «Пиковой дамы».

Полагаю, что столь обстоятельная картина, насыщенная разного рода актуальными наблюдениями в связи с обнаруженными в архивных поисках документами и к месту любопытными примечаниями, служит указанием на то, что отчеты о наблюдении и сыске помогают внести коррективы в оценки функций парижской полиции эпохи Просвещения. Считавшаяся одно время одной только репрессивной силой и машиной тотального наблюдения, хорошо отрегулированной и смазанной, полиция на самом деле со временем и постепенно направляет свою деятельность на исправление нравственности. В 1730-х или 1740-х гг. полицейским полагалось оставаться, так сказать, снаружи, поскольку они могли проникать в гостиницы или номера, занятые знатными иностранца-

ми, лишь под более или менее благовидным предлогом, но под угрозой побоев со стороны раздраженных слуг. Однако в более позднее времена инспекторы уже посещали «знатных иностранцев», проявляя при этом понимание, а иногда и выручая их из беды. Полиция постоянно и деятельно сотрудничает с Министерством иностранных дел, при необходимости контактируя с российскими дипломатами или в отдельных случаях с самим Фредериком Мельхиором Гриммом, этим «фактотумом» Екатерины II.

Что до самих протоколов и досье, то авторы-составители правы в том, что тексты публикации сложны в силу взаимосвязанного двуязычия. Поэтому они обращают особое внимание на это обстоятельство в кратком предваряющем *Etablissement du texte* (р. 85), где пишут о том, что сами стояли перед дилеммой — остаться «верными тексту» или сделать его более понятным современному читателю, с тем чтобы избежать каких-либо недоразумений; выбор, в конце концов, сделан был в пользу последнего, и, вероятно, так и следовало поступить. Но имена и фамилии сохранили свое написание, так же как названия орденов, а географические наименования посчитали необходимым модернизировать, иначе с самого начала это породило бы изрядную путаницу. Так в любом случае и следовало поступить.

В заключение авторы предполагают, что масса новой информации, обнаруживающаяся из представленных текстов полицейских протоколов, требует новых подходов. Эти данные должны быть сопоставлены с повествованиями русских о европейских путешествиях, с их перепиской, дневниками и мемуарами. Помимо этого, никак не следует упускать из виду тех возможностей, что вытекают из связей, приобретенных дипломатами, находившимися в Париже. Надо иметь в виду и списки паспортов, выданных Коллегией иностранных дел, и соотнесение их с отчетами пограничной полиции, не забывая при этом такой важный источник, как списки масонских лож, студентов Страсбургского университета, учеников Христиана-Вильгельма фон Коха (1737–1813), уроженца Эльзаса, гостей курорта в Спа и т. д. Возможно, сведения о тех же персоналиях можно будет встретить среди данных о приехавших в университет Монпелье для консультаций с врачами или на воды в Барреж.

Авторы-составители настоящей публикации, коллеги Д. А. Кондаков и А. Ф. Строев, представив впечатляющие результаты своих исследований, не считают их окончательными и в качестве продолжения считают необходимым создание сайта, включающего все доступные тексты и документы, а также персональную базу данных в режиме онлайн. Каждый файл будет включать следующие разделы: фамилия, имя (дворянский титул), пол, даты жизни, профессия, брак (замужество) и другие родственные связи, включая родителей и детей, а также библиографию и цифровые источники.

Создание и использование этого сайта, вне всякого сомнения, облегчило бы подготовку критического издания документальных публикаций, написание монографических исследований, посвященных русской общине Парижа и ее

повседневной жизни, а также в перспективе составлению биобиблиографического словаря русских во Франции XVIII в. (р. 83–84).

К достоинствам рецензируемой работы следует отнести и обширные, компетентно составленные указатели: указатель имен подданных Российской империи и именной указатель французов и иностранцев, за исключением русских. Указатели включают в себя фамилии (со всеми вариантами написания, некоторые из которых довольно многообразны), имена и отчества, годы жизни, дворянские титулы и профессиональные занятия.

Но рецензенту представляется, что в такого рода издании можно было бы не без большой пользы для читателей поместить в общий корпус и топонимический указатель Парижа. Дело в том, что многие особняки, в которых останавливались русские, например, l'hôtel d'Autriche или l'hôtel d'Entragues и другие, указанные в полицейских отчетах, даже по названиям улиц найти не так-то просто, а иногда и вовсе невозможно, поскольку и улиц таких в Париже давно уже нет или они переименованы и служат продолжением других. Разумеется, составить такой указатель было бы далеко не просто, но в таком случае рецензент предложил бы как выход поместить в библиографии соответствующие издания по истории Парижа.

Приложенная в заключение библиография представлена практически исчерпывающе, поскольку в ней помещены многие, если не все документальные публикации, включающие путевые дневники, воспоминания как русских, так и французов, переписку россиян, которые жительствоваали и проживали в Париже в XVIII в., разнообразные сочинения и этюды о русских, посетивших Францию и Париж, и многочисленные исследования по истории французской полиции, в том числе и XVIII в.

Для рецензента, знакомого с многосложными особенностями работы с архивными документами XVIII — начала XIX в., в полной мере ясно, сколь великим оказалось приложение обоюдных усилий, если иметь в виду объем собранной в процессе кропотливого труда в архивах и библиотеках документации, которая была архивоведчески и текстологически разобрана и, главное, исследовательски прочитана, а также сообразно с общим контекстом прокомментирована. Рецензенту доставляет удовольствие выразить авторам-составителям признательность за привлечение к исследованию нового, весьма важного источника по общественной истории эпохи Просвещения. Для него публикация «Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police» — это очевидный положительный результат задуманного, разработанного и плодотворно складывавшегося на протяжении времени осуществления проекта, который может сыграть свою немаловажную роль в дальнейшем исследовании собранного и представленного в комментированном виде материала.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. Н. Искюль. Рецензия на коллективную монографию: *Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 238–245

Аннотация: Рецензия посвящена критическому анализу коллективной монографии профессоров общего и сравнительного литературоведения университета Новой Сорбонны (Париж) Д. Кондакова и А. Строева «*Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*» (Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.).

Ключевые слова: Париж, эпоха Просвещения, русские путешественники, французская полиция и ее деятельность, наблюдение и сыск, полицейские отчеты, протоколы и досье.

FOR CITATION

S. N. Iskiul. Review of the collective monograph: *Kandakou D., Stroev A. Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police*. Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p. // Petersburg historical journal, no. 1, 2025, pp. 238–245

Abstract: The present review is devoted to a critical analysis of the aforementioned collective monograph, which was authored by professors of general and comparative literature at the Sorbonne Nouvelle University (Paris). The authors of the monograph are D. Kondakov and A. Stroev, and the title of the monograph is *Les Russes à Paris au XVIIIe siècle sous l'oeil de la police* (Paris: L'Harmattan, 2024. 736 p.).

Key words: Paris, the Age of Enlightenment, Russian travelers, the French police and its activities, surveillance and investigation, police reports, protocols and dossiers.

Автор: **Искюль, Сергей Николаевич** — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Iskiul, Sergei Nikolaevich** — Dr. in History, Leading Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: iskiouls@yahoo.com